

2. Богус З. А. Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков) : дис... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1966–1968.
4. Диккенс Ч. Собрание сочинений : в 30 т. М., 1957–1963.
5. Добровольский Д. О. Семантика идиом как переводческая проблема // Перевод и лингвистика текста. М., 1994. С 96–104.
6. Катермина В. В. Национально-культурная специфика образа человека (на материале русского и английского языков) : дис... д-ра филол. наук. Волгоград, 2005.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2003.
8. Плунгян В. А. К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимания в языке догон) // Н. Д. Арутюнова Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
9. Топоров В. Н. Первочеловек // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 300–302.
10. Урысон Е. В. Архаичные представления в русской языковой картине мира : дис... д-ра филол. наук. М., 1997.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М., 1994.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XXвв : в 2 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1991.
13. Ямшанова В. А. Инструментальность и субъектно-объектные отношения // Теория функциональной грамматики. СПб., 1992. С. 167–188.

О. И. Лыткина

Текст как объект изучения современной лингвистики

УДК 81.1

Статья посвящена проблеме исследования текста в современной лингвистике, которая характеризуется как макролингвистика. Автор анализирует различные точки зрения в понимании текста, обращается к вопросу многообразия его типологии и критериев выделения. Сопоставив современное понимание текста с такими понятиями, как миф, концепт, автор приходит к выводу о широком применении понятия текста в современной гуманитарной науке.

Ключевые слова: лингвистика, текст, концепт, миф

O. I. Lytkina The text as an object of study of modern linguistics

The article is devoted to the study of text in modern linguistics, which is characterized as makrolingvistika. The author analyzes the different points of view within the meaning of the text addresses to the question of variety of its typology and criterion of the separation. Comparing the current understanding of the text with concepts such as myth, the concept, the author concludes that the broad application of the notion of text in modern humanities.

Key words: *linguistics, text, concept, myth*

Отличительная особенность современной лингвистики – междисциплинарный подход при анализе языковых единиц, объясняемый тем, что сходный круг проблем оказывается в фокусе внимания представителей разных школ, направлений и даже разных наук. Таковую лингвистику Ф. М. Березин назвал макролингвистикой [1]. Как следствие, многие традиционные языковедческие понятия подверглись переосмыслению, в частности, это касается термина «текст». Ученые признают несостоятельность традиционного понимания текста как совокупности предложений, обладающей цельностью и связанностью. Текст стал трактоваться как функция в контексте других текстов и интерактивном диалоге с ними, а изолированный текст стал считаться научной фикцией. Отсюда обозначение термином «*текст*» очень широкого круга явлений; текстом, по сути, может называться любая содержательная сущность: совокупность текстов, словарь, библиотека, композиционная группа, жанр, литература, культура и т. д. Наконец, сама действительность может быть выступать как текст, ср.: «Мир выступает перед нами как текст. Через доступные нашему сознанию тексты мы взаимодействуем с миром. Всматриваясь в глубины своего сознания, мы и себя начинаем воспринимать как текст» [7:83].

В. В. Красных выделяет следующие подходы в понимании текста:

- «1) вербальный и знаково фиксированный (в устной или письменной форме) продукт речемыслительной деятельности;
- 2) вербальная и знаково зафиксированная «реакция» на ситуацию;
- 3) опосредованное и вербализованное отражение ситуации;
- 4) речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью;
- 5) речемыслительный продукт, который обладает тематическим структурным и коммуникативным единством;

6) нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги, аудио-/видео пленки и т. д.);

7) некая особая предикативная единица, если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор интерферирует («вписывает») в окружающую действительность, отраженную в его сознании картину мира, результатом чего является изменение объективно существующего мира;

8) нечто изменяющее окружающий мир, экстралингвистическую реальность самим фактом своего существования;

9) с точки зрения формально-содержательной структуры и вычленения в дискурсе, текст есть речевое произведение, которое начинается репликой, не имеющей вербально выраженного стимула, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный)» [3:198].

Включение в понятие текст широкого круга явлений стало предпосылкой появления новых лингвистических направлений, например, изучения сверттекста (X-текста), гипертекста, интертекста, архитекста и др.

Работы В. Н. Топорова одни из первых в исследовании сверттекста. Ученый определяет сверттекст как «совокупность высказываний, текстов, ограниченную темпорально и локально, объединенную содержательно и ситуативно, характеризующуюся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [13:215]. В. Н. Топоров устанавливает следующие критерии выделения сверттекста: 1) наличие образно и тематически обозначенного центра, фокусирующего объект, который в системе внетекстовые реалии – текст предстает единым концептом, например, таким концептом для топологических текстов является конкретный локус в единстве его историко-культурно-географических характеристик; 2) наличие и знание читателем относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверттекста в целом, определяющих законы формирования его художественного языка и тенденции его развития; 3) синхроничность (своего рода симультанность, являющаяся необходимым условием восприятия сверттекста в его текстовом качестве и столь же необходимым требованием при аналитическом описании, воссоздании того или иного сверттекста); 4) смысловая цельность, возникающая в месте встречи текста и внетекстовой реалии; 5) общность художественного кода; 6) открытость, подразумевающая одновременно устойчивость и подвижность границ сверттекста [13]. Как показывает представленный выше материал, основными свойствами

сверхтекста, как и текста в традиционном понимании, остаются цельность и связанность.

Первые исследования сверхтекста были выполнены на материале «Петербургского текста», позднее были описаны «Московский», «Крымский», «Итальянский», «Венецианский», «Лондонский», «Алтайский», «Кавказский», «Белорусский», «Уральский» тексты, ряд «провинциальных» текстов (например: «Пермский», «Архангельский», «Вятский», «Челябинский», «Петрозаводский» и др.), «Аполлоновский», «Пушкинский», «Шукшинский», «Шекспировский» тексты в русской литературе, предприняты попытки описать публицистический сверхтекст, «толстый» журнал, художественную прозу о войне, политические лозунги, «ночную» поэзию, игровой обряд как сверхтекст, «пасхальный текст», «дачный текст» и т. д.

Несмотря на достаточно большой накопленный опыт в исследовании конкретных разновидностей сверхтекста, на данный момент спорными остаются многие теоретические вопросы теории сверхтекста, в частности вопросы об определении и типологии. Екатеринбургские лингвисты Н. А. Купина и Г. В. Битенская предлагают определение сверхтекста и предпринимают попытку классифицировать сверхтексты. «Сверхтекст – совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [4:215].

Типология сверхтекстов основана на учете четырех признаков (отмеченных в определении сверхтекста): типа целостности, маркированности конца, коммуникативной рамки, типа структурированности. Согласно основным двум разновидностям целостностей происходит деление на сверхтексты с тематической целостностью и с модальной целостностью. На базе категории законченности сверхтексты делятся на закрытые, отличающиеся завершенностью, и открытые, отличающиеся незаконченностью (незавершенностью). Учитывая фактор адресанта, выделяют авторские сверхтексты, неавторские сверхтексты, характеризующиеся наличием обобщенной анонимной авторской позицией, и сверхтексты с собирательным характеризованным образом автора; учет же фактора адресата позволяет выделить сверхтексты, ориентированные на конкретный характеризованный тип адресата, и сверхтексты с максимально обобщенной нехарактеризованной позицией адресата. Наконец, с точки зрения структурной определенности сверхтексты классифицируются на однотипно структурированные и неоднотипно структурированные.

Н. Е. Меднис отмечает, что в определении сверхтекста, данном Н. А. Купиной, Г. В. Битенской, не учтена его культуроцентричность, и предлагает следующее рабочее определение: «сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [6]. Критериями выделения сверхтекста в этом случае являются 1) наличие образно и тематически обозначенного центра, фокусирующего объект, который в системе внетекстовые реалии – текст предстает единым концептом, например, таким концептом для топологических текстов является конкретный локус в единстве его историко-культурно-географических характеристик; 2) наличие и знание читателем относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверхтекста в целом, определяющих законы формирования его художественного языка и тенденции его развития; 3) синхроничность (своего рода симультанность, являющаяся необходимым условием восприятия сверхтекста в его текстовом качестве и столь же необходимым требованием при аналитическом описании, воссоздании того или иного сверхтекста); 4) смысловая цельность, возникающая в месте встречи текста и внетекстовой реалии; 5) общность художественного кода; 6) открытость, подразумевающая одновременно устойчивость и подвижность границ сверхтекста [6].

А. Г. Лошаков определяет сверхтекст как «ряд отмеченных направлений ассоциативно-смысловой общностью в сферах автора, кода, контекста, адресата (или в нескольких из них) автономных словесных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально представляют в качестве интегративного (целостно-единого), динамического многомерного, нелинейного концептуально-семантического образования (системы), находящегося в зависимости от принципа модально-смысловой центрации, задающего ряд возможностей для линеаризации, т. е. для прочерчивания смысловых траекторий в нелинейном смысловом континууме. Сверхтекст – это целостное полистилистическое, полижанровое, полиреферентное и, следовательно, полисубъектное образование, которое проявляет себя в литературной практике и может квалифицироваться как единица ахронического культурного пространства (мультитекста культуры)» [5:9]. Специфику построения сверхтекста исследователь видит в том, что его единицы, «восходящие к одним и тем же культурным концептам, литературным универсалиям, стереотипам, с одной стороны, реализуют интертекстуальные связи, определяя его место в текстовой концептосфере и устанавливая сеть отношений, точки пересечения, взаимодействия с другими текстами, с другой – объединяясь, состав-

ляя своего рода постоянный репертуар в рамках текстового ансамбля, они осуществляют сверхтекстовые связи, реализуют метатекстовые функции» [5:91–92]. Таким образом, в структуре сверхтекста есть ядро и периферия.

Подход к тексту «от содержания» лежит в основе и теории примитивного текста [11]. Текст-примитив является базисным для любой речевой деятельности и является членом парадигмы текстов, объединенных одним из вариантов цельности. Разновидности текста-примитива – детская речь, речь иностранцев, речь больных афазией, реклама, вывески, заглавия книг, спектаклей, кинофильмов и т. п., реплики в разговорной речи, планы, рубрики в каталогах, наборы ключевых слов, ассоциативные реакции и др. Для текста-примитива важным является универсальность его структуры независимо от видов деятельности, в которых он образуется. Определяющим свойством текста-примитива является цельность, а только потом связанность. Основные виды связанности в текстах-примитивах, дающие простейшее представление цельности, – перечисление, цепочка, куст. В зависимости от особенностей структурной организации тексты-примитивы подразделяются на а) отдельные слова-тексты; б) различного рода наборы ключевых слов; в) грамматически оформленные неоднословные предложения-тексты; г) различного рода осложненные предложения-тексты; д) развернутые тексты различной степени сложностим [11:228].

Даже поверхностное сопоставление теории примитивного текста и учения о сверхтексте свидетельствует о тождестве данных терминов.

Обращение к современным исследованиям текста (сверхтекста, текста-примитива и т. п.) показывает, что у текстов любого рода наличествует инвариант. При этом инвариант определяется как сложное содержательное образование, принадлежащее глубинным уровням человеческого сознания, «имеющее недискретный и недискурсивный характер (принадлежащее доязыковым уровням человеческой ментальности) и допускающее разнообразие семиотических кодовых воплощений» [2:176]. При описании содержания инварианта текста обращаются к теории семантических полей, т. е. выделяют центр (ядро) и периферию. «С точки зрения поверхностно-понятийного уровня языка такой инвариантный текст описывается посредством языковой модели с выделением его словаря и грамматики. Словарь его составляет абстрактно воспроизведенное множество дискретных содержаний, конституирующее соответствующее поле (текст), а грамматику – отношения производности этих содержаний, показывающие преобразование одного в другое, или отношения их согласованности, показывающие живую связь одного содержания с другим. Таким образом,

“прочтение” подобного текста – это, по сути, выявление его конституирующих единиц и характера связей между ними. Оно объединяет в себе и статику, и динамику, внутренне примиряя их: результаты динамических процессов в плане содержания текста могут рассматриваться в статике как его структурные характеристики, а содержательная структура – как результат развития исходных содержаний» [2:176–177].

В рамках нашего исследования представляется целесообразным обращение к понятиям литературоведческого мифа и лингвоконцепта.

Литературоведческим мифом в настоящее время обозначают некое устойчивое начало, которое варьируется в текстах разных картин мира. В этом случае далеко не всякое художественное произведение, содержащее формальные признаки мифа, будет литературоведческим мифом. Литературоведческая мифологизация осознается при условии повторяемости, необходимой для сохранения смысла, как бы существующего как чистый феномен над взятым отдельно конкретным текстом или творчеством отдельного автора. Литературный миф не строгое сюжетное построение, а некое объединение общих символов, мотивов, образов, фабул, конфликтов, созданных разными авторами в разное время, но ставшими традиционными. Эволюция литературного мифа включает в себя стадию осознания объективной реальности и ее оценивания; осознания и усвоения действительности, сотворенной другими; установление соответствия между «своим» осознанием и «чужим»; наконец, создание собственного произведения с сохранением общих установок. Таким образом, происходит своеобразное обновление, привнесение своих открытий в форму и содержание, что имеет возможность закрепиться в сознании других и повториться в других произведениях. На данный момент накоплен достаточно большой опыт в исследовании авторских (Лермонтовский, Пушкинский и др.) и топосных (Кавказский, Барнаульский и др.) литературоведческих мифов. Если перевести все вышесказанное о литературоведческом мифе на язык лингвистики, то мы получим основные положения теории сверткста.

Ученые обращаются к термину «текст» при описании структуры концепта. Концепт – «сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [9:159].

Н. Ю. Шведова выделяет следующие характеристики концепта:

1) концепт относится к ментальной, духовной, социальной или к необходимой материальной сфере жизни человека;

2) происхождение концепта непосредственно соотносится со сложившимся узусом жизни и традициями коллектива, поэтому в разные периоды разными людьми концепт воспринимается по-разному;

3) концепт имеет сложное и стройное смысловое строение, предопределенное смысловым строем языка;

4) концепт существует в собственном языковом окружении – в окружении малых концептов;

5) концепт имеет двойственную природу: состоит из основного концепта и комплекса малых концептов, живущих собственной жизнью, но обращенных к основному;

6) основной концепт открыт для оценок и разнообразных характеристик;

7) как правило, концепт находится в оппозиции «с равновеликой данностью как со своим антиподом» [13:506–508].

В этот список следует внести еще такое свойство концепта, как отражение национальной специфики.

Структура концепта представляет собой совокупность образных, информационных, интерпретационных, ценностных, понятийных, исторических, ассоциативных, общечеловеческих, общенациональных, групповых, региональных (локальных), индивидуальных и др. признаков, т. е. своеобразный текст ментального характера. Ю. Е. Прохоров по этому поводу пишет: «...любая совокупность именованных концепта – невербальным, лексическим способами, использованием устойчивых конструкций и т. п. – образует **текст** (выделение наше. – О. Л.), под которым мы понимаем совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей лингвокультурной общности. Этот текст может быть как угодно широк: в него входят и исторически сложившиеся элементы и элементы, связанные с правилами сегодняшнего дня; в нем есть элементы, относящиеся ко всем типам коммуникативных пространств, в которых личность вступает в общение средствами данного языка (от планетарного до личного пространства)» [9:142–143].

Развертывание текста структуры концепта является предпосылкой к созданию текста в традиционном понимании. На это свойство концепта указывает В. В. Красных: «Под концептом понимается глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста. Являясь своеобразной “точкой взрыва”, вызывающей текст к жизни, концепт служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, а с другой стороны – конечной целью при его восприятии» [3:202]. При успешной комму-

никации собеседники строят один текст, поскольку понимают концепт собеседника

На текстовый характер не только концепта, но и всей концептуальной системы указал Р. И. Павилёнис: «"Выделение" определенной структуры концептов из множества других можно рассматривать как выбор определенного осмысленного "текста" (в широком информационном понимании этого термина) из множества других осмысленных (то есть интерпретируемых в данной концептуальной системе) "текстов" в качестве "принимаемого" индивидом "текста", образующего ориентационную основу его отношения к миру, в частности основу его вердиктного отношения к действительности.

...С нашей точки зрения, изменение мнения индивида обосновано рассматривать как отказ от определенной "выделенной" структуры в пользу другой, в равной мере осмысленной (интерпретируемой в данной системе) структуры, в пользу другого "текста". Множество таких "выделенных" и взаимосвязанных (отношением интерпретации) и связанных с "концептуальной картиной мира" или "системой мнений носителя языка" [9:209].

Круг явлений, называемых одной из разновидностей текста, может быть сколь угодно широк, в этом отношении наш обзор далеко не является исчерпывающим. Предполагаем, что в недалеком будущем будут новые аспекты понятия текста и появятся новые определения этого понятия.

-
1. Березин Ф. М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М., 2000. С. 9–25.
 2. Вертелова И. Ю. Эмоциональная сфера человека как «альтернативный» текст // *Альтернативный текст: версия и контрверсия* : сб. статей / под ред. Т. В. Цигун, А. Н. Чернякова. Калининград, 2006. Вып. 1. С. 173–190.
 3. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание, Коммуникация). М., 1998.
 4. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // *Человек – Текст – Культура*. Екатеринбург, 1994. С. 214–235.
 5. Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография. Архагельск : Поморский ун-т, 2007.
 6. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. НГПУ, 2003. URL. <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835>
 7. Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
 8. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983.

9. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М. : Флинта: Наука, 2008.
10. Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. С. 221–237.
11. Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. С. 221–237.
12. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.
13. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М., 2005.

Е. Ю. Позднякова

К вопросу о функционировании автограффити в современном автомобильном жаргоне

УДК 16.21.27

В статье рассматривается вопрос о функционировании автограффити в современном автомобильном жаргоне. Автограффити представляют собой социолектную форму коммуникации, по способу реализации относящуюся к естественной письменной речи. Автограффити могут быть охарактеризованы по следующим признакам: особенности материального субстрата, коммуникативная модель послания, тема послания.

Ключевые слова: автограффити, автомобильный жаргон, коммуникативная модель, субстрат.

E.Yu. Pozdnyakova. Autograffiti in the modern jargon of the avtomobilists

The report considers the question of the functioning of autograffiti in the modern automobile jargon. Autograffiti represent the social communication relating to the informal written speech. Autograffiti can be characterized by the following features: the peculiarities of the substratum, the communicative model, the subject of the message.

Key words: autograffiti, automobile jargon, communicative model, substratum.